

Глава 1: Побег

Лу Жун крепко спал, когда его подняли с кровати. Ван Ту одевал его, в то время как Лу Жун растерянно держал глаза закрытыми, поднимая руки, когда ему приказывали это сделать. Ван Ту был не так нежен, как обычно, и грубо натянул свитер через голову мальчика, так что Лу Жун дважды недовольно хмыкнул, когда у него заболели уши. После того, как свитер был надет, он снова заснул на плече Ван Ту, чувствуя, как тот возится с его руками, а в ушах звучит шуршание его пуховика.

Застегнув куртку, Лу Жун сел на край кровати, опустив голову и закрыв глаза, ожидая, пока Ван Ту выжмет полотенце, чтобы протереть ему лицо. Но Ван Ту, надев на него шерстяную шапку и шарф, вынес его из спальни и спустился со второго этажа.

Когда дверь открылась, в комнату ворвался свистящий ветер со снежинками, Лу Жун вздрогнул, стоило ему открыть глаза, как его оцепенение мгновенно исчезло. Двор прямо перед двором был освещен жутким белым светом, в то время как остальная часть дома скрылась во тьме.

Ван Ту поставил его рядом с въездом у резных ворот и тихо велел: "Просто стой здесь и жди, пока я подъеду."

Лу Жун стоял неподвижно, наблюдая за своим белым дыханием под светом уличных фонарей, немного сонный и слегка взволнованный. Ван Ту никогда не отправлял его в детский сад столь рано, и сегодня он определенно прибудет туда первым.

Он придёт первым!

Семейная черная машина остановилась прямо перед ним, дверь открылась, и Лу Жун забрался на пассажирское сиденье. После того, как он сел, машина рванулась с места, заставив мальчика откинуться назад, и изо всех сил пытаться натянуть на себя ремень безопасности.

"Ту-гэ, я сегодня приеду раньше всех остальных детей!" — Обе ноги Лу Жуна висели в воздухе и раскачивались взад-вперед. Его руки в перчатках постукивали по сиденью, тон был полон самодовольства.

Ван Ту не ответил, как это бывало обычно, а молча выехал из ворот вилы на улицу. Было еще темно, на дороге не было ни пешеходов, ни машин, а территория, освещенная уличными фонарями, была сплошь покрыта снегом.

Лу Жун повернул голову и подышал на стеклянное окно, затем вынул руку из перчатки и принялся на нём рисовать. Палец и влажное стекло терлись друг о друга, время от времени издавая странный звук.

Черная машина двигалась быстро, Ван Ту с обеспокоенным лицом, постоянно смотрело в зеркальце заднего вида. Лу Жун, увлечённый рисованием на стекле, не замечал, что всё позади машины окутано тьмой.

Эта тьма отличалась от темноты поздней ночи, без света уличных фонарей или смутных очертаний домов. Она была столь плотной, что казалась веществом, без следа света, и, подобно огромному занавесу, раскинулась позади преследуя машину, и поглощая всё на своём пути, вместе со звездами на небе.

Ван Ту нажал на педаль газа до упора, от колес ввысь взметнулся снег. Впереди на дороге была выбоина, но он не сбавлял скорость и не объехал, прямо въехав в нее.

Машину сильно тряхнуло, и Лу Жун подскочил и остался на своем месте только благодаря ремню безопасности. Он воскликнул несколько весело и преувеличенно: "Ой, моя задница!"

В прошлом Ван Ту всегда смеялся, когда он делал такой тон голоса и выражение лица. Но сейчас он ничего не сказал, продолжая смотреть вперед с угрюмым лицом.

Лу Жун, не получив ответа, не мог не посмотреть на него. И увидев два красных пятна на его лице, в свете уличных фонарей, внимательно осмотрев их, спросил: "Ту-гэ, что это у тебя на лице?"

Ван Ту не ответил, только начал кашлять. Он закашлялся так сильно, что не мог дышать, и взгляд Лу Жун наполнился беспокойством.

"Ты заболел?" — Спросил он.

Прошло некоторое время, прежде чем Ван Ту сказал хриплым голосом: "Жун-Жун, ты запомнил все чему тебя научил дядя Бай?"

Лу Жун на мгновение был ошеломлён и ответил: "Да."

"Тогда расскажи мне."

"Никому не позволяй узнать, что я могу превращаться в оленя, и никому об этом не говорить, — закончил он, а затем с гордостью добавил. — Я не превращался в оленя! Даже когда они говорили об оленях в зоопарке всякие неправильные вещи, я не превратился в оленя, чтобы они увидели."

Как только он закончил, раздался тихий смех, как будто ребенок прикрывал рот, чтобы скрыть смех, и звук смешался с ветром и снегом. Лу Жун быстро обернулся, но спинка сиденья закрывала ему обзор, так что он мог только прижаться лицом к окну машины и изо всех сил стараться посмотреть назад.

Позади машины была только темнота, ничего не было видно, но он чувствовал неладное, хотя не мог этого увидеть

Лу Жун непонимающе моргнул, потеряв интерес смеху, повернул голову, чтобы снова смотреть вперед.

Между небом и землей, на ветру и снегу, быстро двигался невидимый барьер, изолируя все на своем пути за темнотой. Из-за черного барьера раздалось еще несколько голосов.

Это был злобный детский смешок, тихое лукавое бормотание мужчины, перемежающее с жалобным женским плачем, похожим на шипение повелителя ночи, ропот женского призрака.

Лу Жун медленно выпрямился.

Он был немного напуган и хотел, чтобы Ван Ту обнял его, но знал, что тот за рулем, поэтому он наклонился и протянул руку, чтобы схватить Ван Ту за край пальто.

Машина продолжала мчаться вперед. Обычная семейная машина на пустой дороге, звук мотора смешался с шум ветра, стекла дребезжали.

Лу Жун не осмелился оглянуться, но нервно спросил: "Ту-гэ, что за люди там позади? Почему они это делают?"

"Все в порядке, Жун-Жун, Ту-гэ здесь," — Ван Ту не стал ничего объяснять, а только успокоил его.

Ван Ту снова посмотрел в зеркало заднего вида и внезапно ударил по тормозам. Автомобиль резко затормозил и пронесся ещё несколько метров вперед по снегу, издавая пронзительный звук трения шин.

Лу Жун оказался крепко привязан ремнем безопасности, и в то же время напуган настолько, что его сердце бешено колотилось.

"Посиди пока," — поспешно проговорил Ван Ту, а затем двинулся, чтобы выйти.

Лу Жун не хотел оставаться один, поэтому он подполз на четвереньках к водительскому сиденью и в панике сказал: "Я хочу с тобой!"

"Не двигайся, я скоро вернусь," — обернулся и приказал Ван Ту.

Ван Ту никогда раньше не был с ним так строг, и Лу Жун был так ошеломлен, что просто сел

обратно с опущенными уголками губ. Он не осмеливался повернуть голову, чтобы заглянуть за машину.

Темнота, странные звуки и суровость Ван Ту заставили его подумать, что позади должно быть что-то страшное, например, монстры из телевизора. Его глаза внимательно следили только за Ван Ту, наблюдая, как он бежит перед машиной, вытаскивая из кармана белую бутылку с длинным горлышком, открывает ее, а затем быстро наклонившись, выливает жидкость на улицу.

Снежная поверхность издала звук эрозий, и поперек улицы появилась тонкая красная линия, которая в одно мгновение растворилась в белизне.

После всего этого Ван Ту побежал обратно к машине и как только он открыл пассажирскую дверь, на него накинulo маленькое мягкое тело.

Лу Жун крепко обхватил его за шею, закрыв глаза, призывая: "Садись в машину, садись в машину! Пойдем в детский сад! Воспитательница нас наругает за опоздание!"

"Нет, мы сегодня не пойдем в детский сад, мы уходим отсюда прямо сейчас," — Ван Ту обнял его, развернулся и побежал вправо.

"Перчатки, мои перчатки!" — Лу Жун поспешно напомнил ему. Он только что снял свои перчатки, чтобы порисовать на окне машины, и не успел надеть их снова.

Ван Ту снова вернулся к машине, поднял шерстяные перчатки, оставленные на заднем сиденье, и протянул их ребёнку, затем поспешно побежал к темному переулку вниз по улице.

Выйдя из теплой машины, Лу Жун задрожал от холодного воздуха. Он уткнулся лицом в шею Ван Ту и медленно приоткрыл глаза, чтобы оглянуться назад.

Странные звуки внезапно исчезли, и вокруг мгновенно воцарилась тишина. Лу Жун посмотрел в том направлении. Хотя он ничего не мог разглядеть, мальчик инстинктивно почувствовал, что за ним кто-то наблюдает, и его телу стало холодно и неудобно.

Он быстро вернулся в объятия Ван Ту, только чтобы слышать его учащенное дыхание и хруст снега под его ногами. Ван Ту бежал быстро, Лу Жуна сильно трясло, но он сдерживался, чтобы не издавать ни звука.

Они находились в тесном изогнутом переулке, с низкими и ветхими домами по обе стороны и редкими улочками, разветвляющимися, как жилки листьев, тянущимися во всех направлениях.

Ван Ту провел Лу Жун по этим переулкам и вскоре вышел в маленький темный дворик, энергично постучав в железную дверь: "Гэгэ! Гэгэ!"

Свет внутри дома мигнул, и примерно через десять секунд железная дверь открылась.

Лу Жун, лежавший на руках Ван Ту, повернув голову и увидел мужчину средних лет, в черном пуховом пальто, стоящего в дверях.

А? Он немного удивился.

Мужчина средних лет, которого он узнал, был дядей Чэнь. Тот часто убирал территорию виллы, подметая листья метлой и толкая тележку. Когда он видел, как Лу Жун играет во дворе, он окликал мальчика и давал конфету.

Ван Ту запрещал ему есть предложенное, кроме того, что давал ему дядя Чэнь.

Подбородок Лу Жуна замотан шарфом, а на голове была желтая шерстяная шапка, украшенная помпоном, из-под которых виделись только пара темных глаз и кончик носа.

Хлопья снега приземлились и повисли у него на ресницах, и он моргнул.

Дядя Чэнь посмотрел на него, но свой вопрос адресовал Ван Ту: "Они идут?"

Его тон был серьезным.

Ван Ту ответил: "Мы сбежали с виллы, используя воду для промывки души, чтобы временно заблокировать их."

Дядя Чэнь добавил: "Нас двоих будет достаточно. Мы просто не можем взять его с собой, сначала оставь его здесь."

Ван Ту улыбнулся и вынес Лу Жуна во двор, когда дядя Чэнь заблокировал дверь и сказал: "Не входи в дом, это небезопасно."

Ван Ту огляделся и увидел два больших синих мусорных бака недалеко от двери, затем он перенес Лу Жуна и положил его в полупустой.

Лу Жун был потрясен, верхняя часть его тела высунулась за пределы мусорного бака, и он в панике схватил Ван Ту за рукав: "Я не мусор, я ребенок."

Ван Ту убрал руку мальчика и сказал теплым голосом: "Лу Жун, нам с дядей Ченом нужно кое-что сделать, ты оставайся здесь и никуда не выходи. Мы приедем за тобой после того, как закончим."

"Нет, я тоже пойду, я не мусор!" — Лу Жун стоял на четвереньках, пытаясь выползти из мусорного бака.

"Делай, что тебе говорят!" — строго приказал Ван Ту. Его грудь быстро вздымалась и опускалась, на лбу вздулись вены, а выражение лица было свирепым.

Какое-то время Лу Жун не смел пошевелиться, но его глаза быстро наполнились слезами. Он, сдерживая всхлипы, обиженно спросил: "Ненадолго?"

"Да," — ответил Ван Ту.

"Тогда могу я посидеть возле мусорного бака и подождать?"

"Нет," — холодно отказал Ван Ту.

Голос Лу Жуна стал хнычущим: "Тогда приезжай и забери меня, не позволяй мусоровозу увезти меня."

"Я быстро."

"И попроси у воспитательницы отгул, — он запнувшись добавил — Не говори, что я в мусоре."

"Хорошо, — сказал Ван Ту, — ты также должен запомнить, что должен хорошо прятаться и не шуметь. За исключением того, когда я или дядя Чен приедем за тобой, что бы ни случилось снаружи, ты не можешь выйти."

Лу Жун кивнул, и помпон на его шерстяной шапке затрясся вместе с ним.

"Тогда садись," — сказал Ван Ту.

Лу Жун осторожно сел и почувствовал что-то мягкое под ягодицами, поэтому он протянулся, чтобы ощупать это. Это был надутый пластиковый пакет.

Ван Ту медленно опустил крышку мусорного бака, наполовину прикрыл ее он увидел, что ребенок внутри смотрит на него снизу вверх глазами, полными страха и сверкающими от слёз, но он только поджал губы, не издавая ни звука.

Его сердце было мягким, когда он тихо сказал: "Не бойся, мы с дядей Чэнь приедем за тобой утром. Не паникуй, если мы задержимся, но помни, не возвращайся домой."

Дядя Чэнь закрыл дверь во двор и застегнув накиннутый на него пуховик сказал: "Мы вернемся"

до завтрашнего утра, это займёт некоторое время."

Лу Жун смягчился и взмолился: "Но вы должны поторопиться, пока меня не погрузили в мусоровоз."

Ван Ту собирался что-то сказать, как вдруг услышал вдалеке громкий хлопок, будто что-то взорвалось. Он с дядей Чэнь одновременно посмотрели в том направлении и увидели, как неподвижный черный занавес вновь устремился вперед.

Он больше не колебался, с грохотом захлопнув крышку мусорного бака, и вместе с дядей Чэнь побежал в направлении черного занавеса. Их движения были необычайно быстры, и они мгновенно исчезли у входа в переулочек.

Лу Жун слушал, как удаляются шаги, сидя в темном мусорном баке, весь напряженный, глядя сквозь щель над крышкой бака.

Дядя Чэнь оставил свет включенным, и с верхней части стены внутреннего двора лился оранжевый свет, позволяя мальчику видеть противоположную стену переулочка через щель.

Лу Жун не знал слов на стене, но под ними был ряд цифр, поэтому он молча прочитал их в уме.

"1.3.0..."

Вдалеке снова раздался пронзительный смех и резкие вопли, а пластиковый пакет у мусорного бака затрепетал на ветру. Словно монстр прятался во тьме, откуда-то глядя на этот мусорный бак, заставляя сердце ребёнка сжиматься от страха, а все тело неудержимо трястись.

Хотя этот вонючий мусорный бак, скрывающий от вещей, что пугают людей, стал его единственным пристанищем, в нём было холодно до дрожи костей, и его рукам и ногам не потребовалось много времени, чтобы замерзнуть.

Лу Жун попытался изменить позу и слегка пошевелился, и мешок для мусора зашуршал под ним. Он помнил слова Ван Ту о том, чтобы не шуметь, поэтому остался сидеть прямо, его уши вслушивались в движение снаружи, пытаясь уловить знакомый звук шагов. Ему хотелось лежать в своей мягкой постели, укрывшись одеялом до подбородка, и слышать только звук телевизора, доносящийся из соседней комнаты.

Этот звук давал ему душевное спокойствие, зная, что Ван Ту был неподалёку.

Тоскливо подумал Лу Жун, шмыгая носом и вытирая холодные слезы с лица поднятым рукавом.

Он продолжал считать, повторяя цифры снова и снова, считая их от начала до конца, а затем

от конца до начала.

Когда его зрение затуманилось, он уставился на единственный источник света, и всхлип сорвался с его губ.

Он не знал, сколько времени прошло, но Ван Ту опаздывал. Наконец он больше не мог сопротивляться и через некоторое время заёрзал взад и вперед, прежде чем погрузиться в глубокий сон, прислонившись к стенке бака.

....

Лу Жун проснулся, когда уже рассвело.

Его мусорный бак был накрыт крышкой, и мусор с глухим стуком был выброшен в соседний.

Ван Ту еще не пришел за ним, и все, что он слышал, — это как кто-то разговаривал рядом с ним.

"...Прошлой ночью я так крепко заснула, что большая кастрюля супа, кипящая на кухне, выкипела. Кастрюля почти прогорела, и супа никому из гостей не досталось."

"Я слишком много проспала, мне стоило встать в пять, чтобы приготовить лапшу, а я проснулся только к шести..."

Лу Жун выпрямился и выглянул наружу, прижавшись глазами к щели, увидев, что железная дверь на другой стороне улицы уже открыта, а две тети, полная и худая, прислонились к ней и болтают.

Ван Ту сказал, что приедет за ним на рассвете, и сколько бы мальчик ни ждал, уже рассвело, а он не ещё пришел.

Мусорный бак был полон, словно гора, поэтому они выбрасывали мусор на землю рядом с ним.

Никто не пытался протянуть руку и поднять крышку рядом стоящего бака, и никто не обнаружил внутри свернувшегося калачиком ребенка.

Лу Жун думал, что Ван Ту просто занят своими делами и приедет за ним, когда закончит. А когда придет время, мальчик будет громко его упрекать и больше никогда с ним не помирится.

— По крайней мере, на целый день.

Время ожидания только увеличивалось.

Но когда свет из этой щели медленно потускнел, как будто становилось темно, он снова подумал о том, как быстро пролетело время. Мальчик уткнулся головой в колени и решил не ругать Ван Ту сразу как тот придёт, а продолжит дружить с ним.

Всякий раз, когда мимо проезжала тележка, Лу Жун чувствовал душераздирающее напряжение.

Мусорные из баков в этих переулках вывозили на сих тележках.

Когда придет время, его тоже вывалят в тележку, как ком мусора, и увезут в неизвестном направлении, в такое место, где Ван Ту не смог бы его найти.

Лу Жун посмотрел на свои перчатки и шевеля в них пальцами. Он был голодал весь день, в животе урчало, а нос был настолько чувствителен, что он, к удивлению, обнаружил в мусорном баке запах лапши, которая все еще хорошо пахла.

Пока он мешкал, искать её или нет, мусорное ведро внезапно лязгнуло, пролив свет над головой, и позволяя размытым звукам внешнего мира мгновенно стали четкими.

Он резко откинул голову, и они с толстой тёткой уставились друг на друга.

Толстая тетя в одной руке держала крышку мусорного бака, а в другой — булочку. Увидев Лу Жуна, она с шокированным выражением лица перестала жевать.

"Чей ты ребенок?! Почему ты сидишь в мусорном баке?!" — Громко спросила она.

Лу Жун нервно посмотрел на нее и не издал ни звука.

Толстая тетя засунула остаток булочки в рот и просунула обе руки под мышки Лу Жуна, чтобы вытащить его.

"Я никуда не пойду! Не вытаскивай меня, я хочу кое-кого подождать!" — Лу Жун закричал в панике, схватив ее за руку обеими руками.

Толстая тетя проигнорировала его сопротивление и поставила брыкающегося ребенка на землю.

"Что происходит?" — спросил другой человек.

Толстая тетя ответила: "Когда я открыла крышку мусорного бака, то увидела этого ребенка внутри."

Другой человек оглядел Лу Жуну с головы до ног, увидев его толстый темно-синий пуховик и кожаные зимние ботинки, а также полный комплект из шерстяной шапки, шарфа и перчаток, пришел к выводу: "Очень хорошо одет, должно быть, ребенок из богатой семьи."

Полная тетя спросила: "Малыш, почему ты сидишь в мусоре? Где твои мама и папа? Где они живут? Какой у них номер телефона... эй, эй, ты куда?!"

Лу Жун, не оглядываясь, побежал к выходу из переулочка.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326830>